

Горохов Павел Александрович

Gorokhov Pavel Aleksandrovich

доктор философских наук, профессор
Оренбургского филиала Российской
академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

D.Phil., Professor,
Orenburg branch of the Russian
Presidential Academy of National
Economy and Public Administration

СУТЬ ФЕНОМЕНА ПЕРЕСТРОЙКИ: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

THE ESSENCE OF THE "PERESTROIKA" PHENOMENON: EXPERIENCE OF PHILOSOPHICAL THOUGHT

Аннотация:

В статье феномен перестройки изучается с общефилософских позиций: 1) оценивается ее суть; 2) перестроечные процессы охарактеризованы с точки зрения этики и аксиологии; 3) дана оценка этого явления во всемирно-историческом процессе в аспекте философии истории как составной части социально-философского знания. Методология включает методы историко-логического, конкретно-исторического и политологического анализа, используется метод исторических параллелей как модификация метода аналогий. Рассмотрены существующие в отечественной и зарубежной научной литературе ключевые подходы к исследованию и оценке феномена перестройки. Автор определяет ее как политический заговор части советского истеблишмента против партии и советского народа. С этической точки зрения перестройка явилась социальным злом, поскольку повлекла разрушение великого государства и вызвала ряд трагедий как на индивидуальном уровне, так и на общественном. Социальная структура общества была разрушена. Произошла тотальная аннигиляция ценностей, которые составляли этический каркас личного и общественного мировоззрения. Была уничтожена советская цивилизация как исторически закономерная форма Русского мира с уникальной этической и аксиологической основой, базирующейся на синтезе идеалов тысячелетней российской государственности и достижений социалистической общественно-экономической формации. Перестройка вырисовывается как трагическое событие всемирной истории, изменившее расстановку и равновесие сил на международной арене в конце XX столетия.

Ключевые слова:

перестройка, философия истории, философия политики, аксиология, этика, общественно-экономическая формация, советская цивилизация, Русский мир.

Summary:

The paper considers the phenomenon of perestroika from general philosophical positions: 1) the essence of perestroika is evaluated; 2) perestroika processes have been characterized from the point of view of ethics and axiology; 3) the author gives an assessment of perestroika in the world historical process from the point of view of the philosophy of history as an integral part of socio-philosophical knowledge. The research methodology includes the methods of historical and logical, concrete-historical and political analysis. There is also applied the method of historical parallels as a modification of analogy method. The main approaches to the study of the phenomenon of perestroika both in Russian and foreign scientific literature have been examined. The author defines perestroika as a political conspiracy of the Soviet establishment against the party and the Soviet people. From an ethical standpoint, perestroika was a social blemish, since it led to the destruction of the great state and caused a number of tragedies both on individual and social levels. The social structure of the society was destroyed. The values which constituted an ethical framework of personal and social worldview were completely annihilated. The Soviet civilization was destroyed as a historically logical form of the Russian world with its unique ethical and axiological core based on a synthesis of ideals of the thousand-year-old Russian statehood together with the achievements of a socialist socio-economic formation. Perestroika is shown as a tragic event in the world history, which changed the global balance of power and the world balance in the international field at the end of the 20th century.

Keywords:

perestroika, philosophy of history, philosophy of politics, axiology, ethics, socioeconomic structure, Soviet civilization, Russian world.

С каждым годом все дальше уходит в прошлое день 10 марта 1985 г., когда скончался Генеральный секретарь ЦК КПСС К.У. Черненко. 11 марта на должность главы правящей партии, которая, согласно Конституции СССР, была «руководящей и направляющей силой советского общества», был избран М.С. Горбачев. События весны 1985 г. заставляют в очередной раз задуматься не только о роли личности в истории, но и о соотношении случайного и закономерного в историческом процессе. Ведь уже 20 апреля 1985 г. на Пленуме ЦК КПСС М.С. Горбачев провозгласил курс на «ускорение» социально-экономического развития страны, который с полным правом можно оценить как первый идеологический эскиз будущей перестройки, а практические действия по «ускорению» дали зеленый свет не только кооперативному движению, но и теневой экономике, придали

весомый толчок скрытому росту инфляции и привели к первым системным сбоям в работе советской промышленности.

За прошедшие годы появилось большое количество новых документов и материалов о том времени, позволяющих уточнить, конкретизировать и во многих аспектах совершенно по-новому взглянуть на явление перестройки с предельно теоретических, т. е. общеполитических, позиций. Это означает: 1) определить суть перестройки с точки зрения той неразрывной «истины-естины», о которой говорил П.А. Флоренский; 2) охарактеризовать перестроечные процессы со стороны этики и попытаться оценить данный феномен аксиологически; 3) выявить место перестройки во всемирно-историческом процессе, т. е. оценить ее в рамках философии истории как составной части социально-философского знания.

Методология исследования включает методы историко-логического, конкретно-исторического и политологического анализа, применяется метод исторических параллелей как модификация метода аналогий.

О перестройке за время, прошедшее после распада Советского Союза, было написано много. Экономисты, политологи и юристы по-разному оценивают этот феномен, который по официальной генеалогии ведет происхождение с январского Пленума ЦК КПСС 1987 г. Философы о перестройке говорили значительно реже, хотя специалисты, работающие в области социальной философии, проявили за последние два с лишним десятилетия бóльшую активность, нежели их коллеги по философскому цеху, но и с точки зрения социальной философии в оценке перестройки много белых пятен. Жизнь богаче самых совершенных и системных представлений о ней, поэтому любое новое теоретическое обращение к проблемам перестройки будет актуальным. Данное историческое событие не только до сих пор вызывает академические споры, но и выступает причиной гибели великого государства – по словам президента В.В. Путина, «крупнейшей геополитической катастрофы века» [1], продолжающей оказывать перманентное воздействие на экономическую, политическую и социокультурную реальность.

Актуальность исследования событий 1985–1991 гг. состоит также в том, что перестройка по сей день выступает косвенной причиной многих трагедий на индивидуальном и социальном уровнях для большого числа бывших граждан СССР, ведь Советский Союз в новой геополитической реальности продолжал тысячелетнюю историю Российского государства. Если реформы Петра Великого, Первая мировая война и тем более Октябрьская революция до сих пор не оставляют равнодушными русских людей и заставляют ученых проникать в минувшие события, чтобы лучше понять тяжелое и трагическое настоящее, то перестройка, безусловно, воспринимается многими как животрепещущая современность.

Назовем лишь некоторых исследователей, в той или иной форме обращавшихся к философскому изучению процессов второй половины 1980-х гг. Самого пристального внимания заслуживают книги М.Н. Руткевича [2], А.А. Зиновьева [3], Р.А. Медведева [4], С.Г. Кара-Мурзы [5], А.С. Ципко [6], И.Я. Фроянова [7], О.А. Платонова [8]. Интересно, что если в период самой перестройки было защищено довольно много диссертаций по различным аспектам этого процесса, то после 1992 г. внимание будущих обществоведов к недавнему прошлому и попыткам его философского осмысления резко ослабло.

Исследователи феномена перестройки на Западе, как правило, трактуют это явление как «спасение мира от коммунизма». Такова, например, общая итоговая оценка, данная в книге «Перестройка: семь лет, которые изменили мир», опубликованной Оксфордским университетским издательством [9]. Немецкие авторы К. Хельд [10] и Ф. Виммер [11] пытаются более взвешенно определить перестройку как трагическую и неоднозначную эпоху, вызвавшую необратимые геополитические трансформации в мире.

Отношение отечественных ученых к перестройке условно можно разделить на два направления. Первое – резко отрицательная позиция, согласно которой перестройка – преступление против народов бывшего Советского Союза, поскольку она сломала ход поступательного исторического развития (А.А. Зиновьев, С.Г. Кара-Мурза, И.Я. Фроянов, О.А. Платонов и др.). По мнению экономиста О.А. Платонова, философские взгляды которого базируются на трудах И.А. Ильина, «никакой “перестройки” не было, ее название стало ширмой, за которой скрывались государственная измена и предательство. В реальной жизни не существовало и “реформ”, а их названия были камуфляжем, прикрывающим преступные деяния по расхищению народного богатства» [12, с. 7]. Представители второго исследовательского крыла также оценивают перестройку как трагическое событие, повлекшее за собой развал великой страны, но делают это более взвешенно и спокойно, видя причину неудачи в обновлении социализма именно в непродуманности экономических реформ, в том, что политические свободы опередили реформирование экономики (Р.А. Медведев, М.Н. Руткевич, А.С. Ципко).

Перестройка Советского государства и общества была официально объявлена в январе

1987 г., а в октябре того же юбилейного года М.С. Горбачев выступил с докладом «Октябрь и перестройка: революция продолжается». В трудах некоторых идеологов того времени и ранее проскальзывало ее сравнение с революцией, но после этого посвященного 70-летию Октябрьской революции доклада данное отождествление начатых реформ стало настолько обыденным и примелькавшимся, что немногие задумывались о глубинной сути, скрытой за этими компаративистскими терминологическими играми. В Тбилиси даже была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук «Проблема непрерывности революции и концепция перестройки» [13], тогда как наблюдалось качественное изменение общества через разрыв непрерывности исторического развития к слому общественного и социокультурного бытия.

В докладе М.С. Горбачева так было сказано о начатом процессе: «Перестройка – многозначное, чрезвычайно емкое слово. Но если из многих возможных синонимов выбрать ключевой, ближе всего выражающий самую его суть, то можно сказать так: перестройка – это революция» [14]. Однако можно ли назвать ее революцией? Как охарактеризовать этот процесс с точки зрения принятых в социальной философии, философии политики и политологии понятий? Любая революция (термин происходит от позднелатинского слова *revolutio* – ‘переворот’, ‘поворот’) выступает преобразованием системного характера, самой сути общества и сменой его оснований. Фундаментальная пятитомная Философская энциклопедия определяет революцию как «качественное изменение, коренной переворот в социальной жизни, обеспечивающий поступательное, прогрессивное развитие. Следует различать революцию как общественно-политический переворот, охватывающий весь социальный организм, и революцию как качественное изменение отдельных сфер социальной жизни. Революция является проявлением скачка в общественном развитии» [15, с. 480].

Новая философская энциклопедия трактует революцию как «резкий всплеск, бурные возмущения движения, интервал взрывообразной активности какого-либо явления, в процессе и результате которого оно изменяет свои качественные, сущностные, целостные определенности» [16, с. 429].

К. Маркс и Ф. Энгельс дали эталонный алгоритм для развития предпосылок революции: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке» [17, с. 7].

Любая революция – насилие, кровь, слезы и гибель людей. Недаром многие мыслители прошлого, такие как И.В. Гете или Ф.М. Достоевский, выступали противниками революционных изменений, сравнивая их с природными катаклизмами масштаба цунами, землетрясения, тайфуна, и отстаивали благостность эволюционного пути развития общества. Россия в XX столетии дважды коренным образом меняла социально-экономический и политический уклад, ломая старую привычную жизнь жесткими насильственными методами.

С точки зрения марксизма важнейшим вопросом любой революции является вопрос о власти. Как писал В.И. Ленин, «переход государственной власти из рук одного в руки другого класса есть первый, главный, основной признак революции как в строго научном, так и в практически политическом значении этого понятия» [18, с. 133].

Если следовать духу классического марксизма, то перестройка М.С. Горбачева представляет собой довольно странный феномен. Если оценивать ее как «революцию сверху», то вызвана она была не изменениями в экономической основе советского общества, а сугубо субъективной политической волей, т. е. выступает надстроечным явлением. Революционной ситуации, согласно знаменитой формулировке В.И. Ленина из работы «Маевка революционного пролетариата» («Для революции недостаточно того, чтобы низы не хотели жить, как прежде. Для нее требуется еще, чтобы верхи не могли хозяйничать и управлять, как прежде» [19, с. 300]), в Советском Союзе середины 1980-х гг. также не наблюдалось.

«Верхи» советского общества (партийная номенклатура, известные деятели науки, искусства и культуры, рабочая «аристократия») жили неплохо, хотя их жизнь по сравнению с таковой современных российских олигархов и политиков и походила на монашеское существование. «Низы», т. е. собственно народ, «гражданское общество», не строили глобальных политических прогнозов, судьбоносных планов и жили одним днем. Таким образом, «верхи» вполне могли «управлять по-старому», даже успешно применяя незначительные инновации (наподобие реформ А.Н. Косыгина), а «низам» не приходило в голову кардинально менять привычный уклад, поскольку мало кто сомневался в непреходящих ценностях социализма и грядущем наступлении светлого будущего. Недостатки в жизни гигантской страны, которые видели все, считались временным явлением.

Вслед за Н.Я. Эйдельманом реформаторские процессы и судьбоносные изменения

в стране, инициированные самой государственной властью, стали именовать в отечественной научной и публицистической литературе «революцией сверху». В работе «Революция сверху в России» выдающийся историк сравнивал Великие реформы 1861 г., повлекшие отмену крепостного права, реформы П.А. Столыпина в начале XX столетия и НЭП в конце 1920-х гг. [20].

Тем не менее даже «революцией сверху» перестройку трудно назвать. Реформы, которые анализировали Н.Я. Эйдельман и другие историки, были вызваны назревшей неизбежностью для жизни страны и нормального функционирования государственного аппарата. Однако была ли инициированная М.С. Горбачевым перестройка необходима для страны и советского народа? Попытаемся взглянуть на этот вопрос *sine ira et studio* – без гнева и пристрастия.

Обычно, рассуждая о необходимости перестройки, ее идеологи и адепты делали акцент на экономических факторах: снижении основных экономических показателей в стране, в том числе сокращении темпов прироста национального дохода, уменьшении производительности труда и негативных явлениях в сфере потребительского рынка. Однако положение было далеко от кризисной и тем более катастрофической ситуации (особенно если взять за некий эталон кризиса текущее положение в российской экономике – при всей вольности таких сравнений). Перед перестройкой около 50 % бюджета страны составляли средства от экспорта сырьевых ресурсов (в современной России – 86,5 % федерального бюджета). Разумеется, реформы в социалистической экономике назрели в то время объективно, но именно взвешенные и разумные реформы, а не грубый слом всей социально-экономической системы страны.

А.Н. Яковлев и подобные ему идеологи известны многими примитивными штампами и не продуманными лозунгами, пущенными в широкий обиход. В общих чертах роль интеллигенции, выступившей в привычной для себя позиции огульного и бескомпромиссного критика всего прошлого и настоящего России, нелицеприятна. Особого внимания заслуживают так называемые «профессиональные диссиденты». В перестройку некоторые проявили себя как враги не только коммунистической идеологии, но и России в целом. Однако многие осознали пагубность перестройки, которая неизбежно должна была закончиться гибелью исторической России. Здесь следует назвать прежде всего имя талантливого философа А.А. Зиновьева, который афористично высказался о себе и других диссидентах: «Целились в коммунизм, а попали в Россию» [21].

Большинство представителей советской интеллигенции поддержали перестройку, либо будучи преисполненными надежд на грядущие позитивные перемены, либо по элементарному недомыслию. Однако можно предположить, что существовала группа людей, причем на самой вершине партийного ареопага, которые осознанно и целенаправленно вели корабль великой страны на острые скалы капитализма, инициируя перестройку и изначально имея в виду ее конечной целью гибель исторической России. Автор этих строк никогда не был сторонником разнообразных теорий заговора, которые иногда поддерживают даже такие видные и неординарные мыслители, как входящий в Изборский клуб философ, политолог и социолог А.Г. Дугин, давший теории заговора против России солидное историческое обоснование. Тем не менее, если вспомнить о противостоянии двух общественно-политических систем в тот период, то на ум неизбежно приходит формула *qui prodest?* Кому было выгодно уничтожение Советского Союза как фундамента военно-политического (Варшавский договор) и социально-экономического (Совет экономической взаимопомощи) блоков стран социалистического лагеря? Ответ очевиден: Западу во главе с США, взявшими на себя роль главного защитника интересов всей западной цивилизации после окончания Второй мировой войны. Развал государства – основного потенциального противника в возможном масштабном военном столкновении – и его уход с геополитической арены были выгодны всему капиталистическому миру, как и реформы, инициировавшие «бросок в капитализм», пагубный и бесперспективный во многих отношениях, отбросивший страну из более передовой общественно-экономической формации назад в историческом измерении.

Перестройку нельзя назвать революцией, поскольку она не имела глубоких причин, корнящихся в недрах социально-экономического и социокультурного развития государства. Она не обеспечила и прогрессивного, поступательного развития, как это делают классические революции. Нельзя дефинировать это явление и как классическую «революцию сверху», поскольку она осуществлялась без четкого плана, скачками и рывками, завися от чисто субъективных стремлений ее лидеров. В то время как классические «революции сверху», например освобождение крестьян в 1861 г. или даже ленинская новая экономическая политика, реализовывались по имевшемуся у властей более или менее четкому плану.

О перестройке этого сказать нельзя. Упомянутый А.Н. Яковлев неоднократно признавался, что с начала процесса целью преобразований было уничтожение советского государственного строя, т. е. отнюдь не реформы или капитальный ремонт государственной машины, а ее полный слом. В 1985 г. он, по его словам, предложил план кардинальных изменений в стране, но М.С. Горбачев решил, что еще «рано» [22]. А.Н. Яковлев полагает, что Генеральный секретарь не считал

тогда, что «с советским строем пора кончать» [23]. А.Н. Яковлев признавался, что во время перестройки «лукавил не раз. Говорил про обновление “социализма”, а сам знал, к чему дело идет» [24].

Представляется, что для обозначения сути перестройки лучше всего подходит слово «заговор», которое в словаре Ожегова определено как «тайное соглашение о совместных действиях против кого-нибудь в политических и других целях». В Большом юридическом словаре указано, что заговор – «тайное соглашение о совместных организованных действиях, преследующих цель захватить власть или совершить иное преступление против существующего строя» [25, с. 87]. Трагические события перестройки действительно были результатом заговора части партийного истеблишмента не только против всей 19-миллионной партии, большую часть которой составляли честные граждане, истинные патриоты, для которых понятия «Советский Союз» и «Россия» были синонимами, но и против всей страны, на разрушение целостности и могущества которой были направлены усилия заговорщиков.

В.В. Путин 1 марта 2018 г. отметил в послании Федеральному собранию: «После развала СССР Россия, которая в советское время называлась Советским Союзом, – за границей ее так и называли, Советская Россия, – если говорить о наших национальных границах, утратила 23,8 % территории, 48,5 % населения, 41 % валового общественного продукта, 39,4 % промышленного потенциала, 44,6 % военного потенциала в связи с разделом Вооруженных сил СССР между бывшими союзными республиками» [26]. Это – печальные результаты перестройки.

Интересно, что если классический марксизм отрицал заговор из-за деструктивной направленности и критиковал взгляды Л. Бланки (1805–1881) и народника П.Н. Ткачева (1844–1886), то ленинская версия российского марксизма, т. е. большевизм, по сути, не отвергала захват власти именно с помощью заговора. Существуют веские основания рассматривать перестройку как политический заговор, поскольку такого рода заговор является разновидностью политической интриги, которая отличается предельной конспиративностью (см. процитированные откровения А.Н. Яковлева) и негативной, деструктивной, отнюдь не созидательной направленностью. Характерной чертой заговора выступает и то, что он всегда направлен против, а не за. Перестройка была ориентирована против КПСС, целостности Советского государства и единства народа, дальнейшего существования великой России в исторической форме Советского Союза.

Обратимся к этической и аксиологической оценке этого периода в истории страны. Мораль – понятие историческое, и то, что считалось аморальным и даже преступным в рамках одного временного этапа, может рассматриваться как абсолютно нормальное и приемлемое явление с этической точки зрения в новую эпоху, пришедшую на смену старой. Разумеется, есть безусловные ценности, что не дает основания этическому релятивизму полностью одержать верх. Однако бездумно пребывать на вершинах абсолютизма в этике, уподобляясь Платону и Канту, в нашу эпоху нельзя. Объективных, вечных, неизменных и универсальных этических принципов сегодня осталось немного.

Постмодернизм как философия глобализации нанес смертельный удар по таким константам, как Добро, Зло, Семья, Родина, Совесть, Честь, представлявшимися вечными. Глобализация в ее современном виде, когда наблюдаются невиданные ранее аннигиляция, релятивизация и примитивизация ценностей, стала возможной лишь после гибели Советского Союза, последовавшей после горбачевской перестройки. Именно после 1991 г. начал складываться однополярный мир, настолько пафосно воспеваемый в трудах либеральных теоретиков, что даже представляется им «концом истории» в целом.

Этика, исследуя по преимуществу сферу должного, обращается к рассмотрению ценностей как целей, расположенных в определенной последовательности, восходящей к предельно ценному в общем. Этика связана с аксиологией на бытийственном и праксиологическом уровне. Именно приверженность устойчивым ценностям отражает конкретику социальной жизни и индивидуального существования, все то, что в итоге определяет добро, зло, справедливость, долг, совесть, ответственность.

За годы славной и трагической истории России сформировался ценностный ряд, особая аксиологическая шкала, оформляющая и придающая онтологический смысл государственной и общественной морали. Эта градация включала в себя понятия чести, долга, достоинства, семьи, веры, ответственности, Отечества, монархии. В начале XX столетия в результате Октябрьской революции не только сменился общественно-политический строй, но и была сделана попытка замены традиционной идеологии государственного патриотизма на интернациональное большевистское мировоззрение. В первые годы после Октября большевики кардинально изменили образовательную систему, отношение к религии, Родине и вечным ценностям.

Однако с 1930-х гг., когда И.В. Сталин начал возводить мощное социалистическое государство, потребовался возврат к традициям российской государственности и патриотизма. Еще бо-

лее очевидной необходимость такого возвращения к испытанным старым этическим и аксиологическим основам на обновленных началах сделала Великая Отечественная война.

Постепенно в стране сложилась некая этическая шкала ценностей, которая хотя и получила броское пропагандистское название «Моральный кодекс строителя коммунизма», но по сути включала многие традиционные идеалы христианства, российской государственности и патриотизма. На наш взгляд, этот «кодекс» явился советской версией старой формулы графа С. Уварова «самодержавие – православие – народность», которая возвращала страну на консервативный путь развития. Формула трансформировалась в триаду «власть партии, персонифицированная в лице вождя, – светская религия в форме коммунистической идеологии – советский патриотизм».

С 1930-х гг. традиционный ценностный ряд, сложившийся до революции, также изменился. Патриотизм стал советским, семья – ячейкой социалистического общества, Родина – советской или социалистической, вера обратилась в идеологическую преданность или хотя бы лояльность, фигура самодержца в общественном сознании гармонично была модифицирована в лидера партии и государства.

Идеологи перестройки либо совершили чудовищную ошибку, либо осознанно заложили в ментальность советских граждан мину замедленного действия, когда выдвинули тезис о приоритете общечеловеческих ценностей над классовыми идеалами и интересами. Не существует и не может быть никаких «общечеловеческих ценностей», ибо они всегда являются плодом конкретной исторической культуры и цивилизации. Даже ценности протестанта отличаются от таковых православного человека, тем более ценности среднестатистического европейца начала XXI в. от ценностного набора викторианского джентльмена.

Умаление классовых аксиологических констант и превознесение общечеловеческих ценностей обернулись в период перестройки лишь аннигиляцией традиционных национальных и культурных ценностей как на обыденно-житейском, так и на идеологическом уровне. Помимо прочего, это привело и к полной утрате авторитета СССР на международной арене. Деструктивная активность идеологов перестройки и была изначально направлена на уничтожение традиционных национальных ценностей, сложившихся исторически, ибо классовые ценности сами по себе никогда не занимали фундаментального положения в аксиологическом каркасе простых советских граждан.

Начавшаяся в годы перестройки «переоценка ценностей» не только привела к полной аннигиляции традиционной коммунистической этики, но и обрушила ценностный и этический каркас всего советского общества. С одной стороны, массовым тиражом стали публиковаться запрещенные ранее книги классиков русской и мировой литературы, труды философов, историков и экономистов, считавшихся опасными для мировоззрения советских граждан. Такую интеллектуальную либерализацию можно было только приветствовать. С другой стороны, массивной идеологической атаке подверглись понятия «Родина» и «патриотизм», а русский народ в многочисленных статьях на исторические темы все чаще представлялся на страницах журнала «Огонек» и других изданий как агрессор и угнетатель других народов СССР.

Итак, с этической точки зрения перестройка, безусловно, явилась социальным злом, поскольку не только разрушила великое государство, которое было Родиной для большинства его граждан, но и вызвала ряд трагедий как на индивидуальном уровне, так и на общественном. Социальная структура общества была разрушена. Произошла невиданная прежде аннигиляция ценностей, которые составляли этический каркас как личностного мировоззрения, так и общественного. «Переоценка ценностей», вызванная перестройкой, привела граждан Советского Союза к замене ценностного ряда, исторически сложившегося под влиянием великой русской культуры, на аксиологическую шкалу западной цивилизации.

С точки зрения философии истории перестройка вырисовывается как трагическое событие, изменившее расстановку и равновесие сил на международной арене в конце XX столетия. Ее можно сравнить с такими реформами в новейшей истории, как «Новый курс» Ф. Рузвельта (1933–1936), предпринятый для выхода США из системного экономического кризиса, или реформы К. Ататюрка (1918–1938), превратившие полуфеодальную Турцию в светское республиканское государство. Однако названные преобразования дали по большей части положительные результаты, в то время как итоги перестроечных процессов в целом деструктивны. Каковы бы ни были первоначальные планы «архитекторов» и «прорабов» перестройки, Россия в форме СССР была уничтожена как великая держава, а освободительное движение стран третьего мира жестоко задушено. Это была историческая катастрофа.

Распад СССР, существование которого в целом не было омрачено существенными проблемами в национальной сфере, привел к созданию однополярного мира, в котором бездумно и совершенно произвольно с точки зрения логики исторического процесса большинству цивилизованных стран мира с их уникальными культурами навязываются ценности американского общества потребления. Это ведет в том числе к осознанному противодействию, принимающему порой

извращенный вид в форме терроризма, нездорового национализма и экстремизма. Наблюдаемое во времена СССР геополитическое равновесие было нарушено, а биполярный мир насильственно превращен в однополярный, который лишь в наши дни начинает трансформироваться в новую, складывающуюся на наших глазах реальность. Поэтому с историософской точки зрения перестройка представляет собой регресс в развитии всемирной истории.

Если рассматривать перестройку в качестве составной части холодной войны, заговора, приведшего к уничтожению СССР как главного противника западной цивилизации, то на ум приходят мысли А.Г. Дугина. В работе «Русская война» он пишет: «Война против России – не сиюминутное историческое явление, возникающее в определенные периоды, но перманентное состояние нашего главного геополитического и онтологического врага – Запада, вся логика развития которого строится на сдерживании нашей страны или попытках покончить с Россией как цивилизационным явлением. На противостоянии России и Запада строится диалектика всей истории Европы с момента возникновения нашей государственности как таковой» [27, с. 265]. Однако именно властные и односторонние решения судьбы народа и государства, принятые частью политической элиты, характерны для российской истории, в которой всегда огромную роль играла субъективная политическая воля. Поэтому в данном плане перестройка может быть понята как реализация привычных тенденций и вековых противоречий, свойственных истории нашего Отечества.

Подведем итоги исследования. Перестройку можно оценить как политический заговор советского истеблишмента против партии и советского народа. В результате этого процесса причинно-следственная цепь трагических событий привела к уничтожению великой страны, бывшей закономерной исторической формой Российского государства. Наша Родина проиграла не только холодную войну как войну общественно-политических формаций и полярных мировоззрений. Была проиграна война цивилизационная. Вследствие перестройки была уничтожена советская цивилизация с уникальной этической и аксиологической основой, базирующейся на синтезе идеалов тысячелетней российской государственности с достижениями социалистической общественно-экономической формации. Среди немногих позитивных достижений перестройки можно выделить интеллектуальную либерализацию, которая, впрочем, имела ряд побочных эффектов для морального состояния гражданского социума.

Даже многие мыслители либерального направления указывали, что советская цивилизация достигла потрясающих успехов и во многом обогнала западную. Например, А. Тойнби отмечал: «Коммунизм для марксистов всех капиталистических обществ на определенной ступени их развития был “волной будущего”, но сталинская Россия продемонстрировала уникальный исторический опыт диктатуры пролетариата. Приоритет в социальной революции вновь дал России возможность заявить о своей уникальной судьбе, возродив идею, которая уходит корнями в русскую культурную традицию» [28, с. 169]. Идеологи западного мира понимали преимущества социализма и связанные с ним опасности, поэтому все их усилия были направлены на уничтожение Советского Союза как воплощения Русского мира, что удалось сделать в перестройку. Лишь в наши дни наблюдаются робкие попытки воссоздания геополитической реальности Русского мира. Удастся это сделать или нет – покажет будущее.

Ссылки и примечания:

1. Послание Федеральному собранию РФ [Электронный ресурс] : от 25 апр. 2005 г. // Официальный сайт президента России. 2005. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931> (дата обращения: 20.10.2019).
2. Руткевич М.Н. Общество как система. Социологические очерки. СПб., 2001. 444 с.
3. Зиновьев А.А.: 1) Глобальный человек. М., 2006. 444 с. ; 2) Русская трагедия. М., 2006. 608 с.
4. Медведев Р.А. Социализм в России? М., 2006. 288 с.
5. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. От начала до наших дней. М., 2008. 1199 с.
6. Ципко А.С.: 1) Перестройка как русский проект. М., 2014. 543 с. ; 2) Русская апатия. Имеет ли Россия будущее. М., 2017. 478 с.
7. Фроянов И.Я. Россия. Погружение в бездну. М., 2010. 447 с.
8. Платонов О.А. Перестройка как преступление. М., 2014. 383 с.
9. Brown A. Seven Years That Changed the World. Perestroika in Perspective. Oxford, 2007. 456 p.
10. Held K. Das Lebenswerk des Michail Gorbatschow. Von der Reform des “realen Sozialismus” zur Zerstörung der Sowjetunion. München, 1992. 765 S.
11. Wimmer Ph. Die Rezeption der Ideologie der Perestroika durch die KPÖ von 1985 bis 1990. Wien, 2003. 439 S.
12. Платонов О.А. Указ. соч. С. 7.
13. Гигаури Ш.Д. Проблема непрерывности революции и концепция перестройки : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тбилиси, 1990. 25 с.
14. Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается // Правда. 1987. 8 нояб.
15. Бутенко А. Революция // Философская энциклопедия. В 5 т. Т. 4. М., 1967. С. 480.
16. Перевалов В.П. Революция // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 3. М., 2010. С. 429.
17. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. М., 1959. С. 7.
18. Ленин В.И. Письма о тактике // Полное собрание сочинений. 5-е изд. В 55 т. Т. 31. М., 1969. С. 131–144.
19. Ленин В.И. Маевка революционного пролетариата // Там же. Т. 23. М., 1973. С. 296–305.

20. Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М., 1989. 176 с.
21. Интервью А. Зиновьева радиостанции «Эхо Москвы» от 25 сентября 2005 г. (<https://echo.msk.ru/programs/kazino/38950>).
22. Костюков А. «Я говорил про обновление социализма, а сам знал, к чему дело идет» [Электронный ресурс] // [Независимая газета](#). 2003. 2 дек. URL: http://www.ng.ru/ideas/2003-12-02/1_yakovlev.html (дата обращения: 20.10.2019).
23. Там же.
24. Там же.
25. Большой юридический словарь. М., 1999. 384 с.
26. Послание президента Федеральному собранию [Электронный ресурс] : от 1 марта 2018 г. // Официальный сайт президента России. 2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 20.10.2019).
27. Дугин А.Г. Русская война. М., 2015. 272 с.
28. Тойнби А., Хантингтон С. Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. М., 2016. 287 с.

References:

- Brown, A 2007, *Seven Years That Changed the World. Perestroika in Perspective*, Oxford, 456 p.
- Butenko, A 1967, 'Revolution', *Philosophical Encyclopedia*, in 5 vols, vol. 4, Moscow, 480 p., (in Russian).
- Dugin, AG 2015, *Russian War*, Moscow, 272 p., (in Russian).
- Eidelman, NYa 1989, "*Revolution from Above*" in *Russia*, Moscow, 176 p., (in Russian).
- Froyanov, IYa 2010, *Russia. Immersion in the Abyss*, Moscow, 447 p., (in Russian).
- Gigauri, ShD 1990, "*The Problem of Continuity of the Revolution and the Concept of Perestroika*", PhD thesis, Tbilisi, 25 p., (in Russian).
- Gorbachev, MS 1987, 'October and Perestroika: the Revolution Continues', *Pravda*, November 8.
- Held, K 1992, *Das Lebenswerk des Michail Gorbatschow. Von der Reform des "realen Sozialismus" zur Zerstörung der Sowjetunion*, München, 765 S.
- Kara-Murza, SG 2008, *Soviet Civilization. From the Beginning to the Present Day*, Moscow, 1199 p., (in Russian).
- Kostyukov, A 2003, 'I Talked about Socialism Renewal, but I Knew Myself Where It Was Going to', *Nezavisimaya gazeta*, December 2, viewed 20 October 2019, <http://www.ng.ru/ideas/2003-12-02/1_yakovlev.html>, (in Russian).
- Large Legal Dictionary* 1999, Moscow, 384 p., (in Russian).
- Lenin, VI 1969, 'Letters on Tactics', *Collected Works*, in 55 vols, vol. 31, pp. 131-144, (in Russian).
- Lenin, VI 1973, 'May Day Meeting of the Revolutionary Proletariat', *Collected Works*, in 55 vols, vol. 23, pp. 296-305, (in Russian).
- Marx, K & Engels, F 1959, *Works*, 2nd ed., Moscow, vol. 13, p. 7, (in Russian).
- Medvedev, RA 2006, *Socialism in Russia?*, Moscow, 288 p., (in Russian).
- Perevalov, VP 2010, 'Revolution', *New Philosophical Encyclopedia*, in 4 vols, vol. 3, Moscow, 429 p., (in Russian).
- Platonov, OA 2014, *Perestroika as a Crime*, Moscow, 383 p., (in Russian).
- Rutkevich, MN 2001, *Society as a System. Sociological Essays*, St. Petersburg, 444 p., (in Russian).
- Toynbee, A & Huntington, S 2016, *Challenges and Answers. How Civilizations Perish*, Moscow, 287 p., (in Russian).
- Tsipko, AS 2014, *Perestroika as a Russian Project*, Moscow, 543 p., (in Russian).
- Tsipko, AS 2017, *Russian Apathy. Does Russia Have a Future?*, Moscow, 478 p., (in Russian).
- Wimmer, Ph 2003, *Die Rezeption der Ideologie der Perestroika durch die KPÖ von 1985 bis 1990*, Wien, 439 S.
- Zinoviev, AA 2006, *Global Human Ant-Hill*, Moscow, 444 p., (in Russian).
- Zinoviev, AA 2006, *The Russian Tragedy*, Moscow, 608 p., (in Russian).

Редактор: Тюлюкова Мария Олеговна
Переводчик: Герасимова Валентина Евгеньевна